

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Я давно и с удовольствием читаю романы и повести грузинского писателя Нодара Думбадзе. Что меня особенно привлекает в его творчестве? Обнаженная совесть! Возможно, я не совсем точно выразился, но все его герои — и Кукарача, и Бачана Рамишвили, и Заза Нанашидзе из «Белых флагов», и многие другие — люди с «больной», если так можно сказать, совестью.

Но книги есть книги, а очень хотелось бы поговорить с писателем на страницах газеты как с публицистом. Что же такое совесть? Эфемерная, как считают многие, категория или нечто другое, определенное? В жизни ведь всякое бывает. Часто человек, убедив себя, что поступает по совести, на самом деле ищет свою выгоду.

А. АНДРЕЕВ
СВЕРДЛОВСК

Два года назад я окончил институт, устроился на работу. Коллеги, в который попал, поначалу мне очень нравились: веселые, жизнерадостные люди, с такими легко общаться, дружить... А потом... вышло так, что попал я по работе в трудную, сложную ситуацию, и очень была нужна поддержка товарищей. Но... мои неприятности их не коснулись.

Сейчас прошло время, все уладилось, и люди, меня окружающие, тоже «подобрались». Но я уже не могу смотреть на них прежними глазами, да и не хочу.

Я теперь четко разделяю людей на три типа: те, чья совесть «кричит» всю жизнь и доставляет им массу всяких неудобств; те, у которых ее нет, и третьи (их больше всего), в принципе обычные люди, но совесть свою основательно заглушили. И только личное горе, личное неудобство могут заставить этих людей ощутить уколы этой самой пресловутой совести.

И. НЕМЦОВ
ВАТУМАН

Вот все говорят о совести. Но зачем она? Совестьному человеку ни поест, ни одеться как следует, ни к морю съездить. А вот люди без совести, как мне кажется, живут припеваючи. Так что меня трудно убедить, что совесть главное всего...

Ю. СИМОНОВСКАЯ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Однажды во дворе нашего дома произошла ссора. Подрались молодые люди, один из которых был моим соседом по подъезду. Старший брат его, как и я, выглянувший на крики с балкона, не раздумывая ни секунды, кинулся бежать по лестницам вниз, на помощь... Через некоторое время драчунов растащили. Оба брата, не оставшие еще от свалки, от криков, медленно поднимались домой. И тогда я сказал старшему: «Слушай, ты бы хоть выяснил сначала, в чем дело, кто прав, кто виноват...» «Не было времени, — говорит, — когда брат в беде, не разговаривать, а помогать надо».

Своеобразный, конечно, пример. Но в этом чувстве ответственности, по-моему, внутренняя совесть человека. И проявляется она порой вот в таких неожиданных, непредсказуемо разных формах. Потом, разобравшись, старший младшего, конечно, ругал, воспитывал. Но в трудную минуту не колеблясь защитил.

Совесть, честь. Что за понятия такие? Говорят, у животных совести нет. А по-моему, как ей не быть, у всяк живущего есть совесть. У грузин даже поговорка такая существует: «Порядочная собака на женщину не залает».

И все-таки, рискуя войти в противоречие с самим собой, скажу: совесть в человеке воспитывается. Вот внук мой, например, может быть похож на меня лицом, похож в каких-то движениях, эмоциях. Но в поступках своих он не будет похож на меня, если я его не воспитую или, что, в сущности, одно и то же, не оставлю ему о себе память. Наверное, во имя воспитания души мы и говорим сегодня о нравственном, духовном наследстве, полученном от отцов, хотим передать его детям, потомкам.

Сердце человека, его душа — самое совершенное творение природы. И не зря герой моего романа «Закон вечности» Бачана Рамишвили утверждает: «Душа человека во сто крат тяжелее его тела. Она настолько тяжела, что один человек

НОДАР
ДУМБАДЗЕ

ЧИСТЫЙ ПЕСОК

не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обесмертить души друг друга: вы — мою, я — другого, другой — третьего, и так далее до бесконечности... Дабы смерть человека не обрекла нас на одиночество в жизни...»

От природы в человеке силен инстинкт самосохранения. И порой, оказываясь в ситуации морального выбора, он поступает согласно этому инстинкту. Задумайтесь, как часто мы пытаемся оправдать те свои поступки, которые ни за что не простили бы другим. Как часто прячемся за спасительную путаницу полуправды, в то время как другого немедленно обвинили бы во лжи...

А истина жизни, по-видимому, заключается в том, чтобы, не прощая себе, уметь прощать ближнего, научиться любить человека. И, живя среди людей, жить для людей.

Как бы мне хотелось, чтобы все доброе, прекрасное не пропало, не ушло из человеческого памяти, словно в песок вода! Ибо оно необходимо для воспитания будущего, хорошего человека. И насколько, к примеру, богаче стал бы мой народ, если бы знал авторов таких величайших творений грузинской архитектуры, как Никоцминда, Джвари! Кто может ответить, почему мастера, создавшие их, не оставили нам свои имена? Может, потому, что считали: совесть — не щедрость, чтобы напоказ выставлять... И почему на произведениях той же эпохи, но не столь талантливых они есть?

Добрый поступок, совершаемый человеком, — порыв его души. Тут он не ищет выгоды, а если все-таки ищет, значит, лицемерит — перед собой, перед людьми. Возьмите актера, писателя — талантливого актера и талантливого писателя. Они, думаю, любят аплодисменты, успех, радуются, когда их творчество ценится окружающими. Но «выкладываются», конечно, не только ради этого успеха, просто совесть им не позволяет играть хуже, писать хуже. И наша задача — воздать им должное, сохранить память.

Совесть — она как героизм. Но герой для меня не тот, кто ничего не боится и бравирует этим. Помните, еще Маяковский говорил, что тот, кто постоянно ясен, просто глуп. Героизмом я считаю сознательное преодоление страха ради выполнения необходимого и тебе, и твоему народу дела. И пусть это трудно и тебе лично не несет никаких выгод, но совесть подсказывает поступить именно так, а не иначе.

А вот возьмите другое. Все мы знаем, что выполнять порученное дело нужно со всей ответственностью. Это — норма нашей жизни. Но если из-за чьей-то безответственности не собран вовремя урожай, не построен жилой дом, не проложена в срок магистраль?.. Здесь уже речь, мне кажется, идет не только об отсутствии кирпича, но и совести.

Существуют определенные нормы общественного жития, которым каждый из нас следует. Но, кроме того, в каждом из нас должна быть и своя внутренняя дисциплина, постоянно руководящая нашими поступками. Вот эта внутренняя дисциплина, я считаю, и есть совесть. И, воспитывая молодое поколение, мы именно на это обязаны обращать основное внимание.

Поколения сменяют одно другое, но пока мы живем, обязательно должны воспитывать внутреннюю дисциплину в человеке. Иначе само это понятие может стать для молодежи аморфным. И тогда молодые могут потерять русло, выйдут из берегов. Согласен, когда реки поднимаются, с вертолета это смотрится красиво. Но на

В августе прошлого года «Литературная газета» обратилась к читателям с предложением ответить на вопросы анкеты «Доверительный разговор». Редакция получила много писем, авторы которых просят любимых прозаиков и поэтов высказать свое мнение по тем или иным вопросам нашей жизни, выразить свое, писательское отношение к различным явлениям действительности...

Наш корреспондент Ирина Тосунян встретила в Тбилиси с известным грузинским писателем Нодаром Думбадзе и попросила его ответить на адресованные ему письма.

земле — трагедия, потоки воды срывают и уносят деревья, жилища, гибнут люди...

Иметь свое русло — это значит осмысленно гореть для людей, во имя людей, это значит постоянно бороться за свои идеалы.

Жизнь полна сложностей. И сколько бы мы ни убеждали себя, что можно ко всему относиться легче, проще, — не получится. Слишком много проблем выдвигает время, слишком многим мы рискуем, пытаемся отклониться от вопросов, которые оно нам задает. И я не могу представить себе моего современника, советского человека недобрый, равнодушный. И потому в каждом своем герое прежде всего ищу эту самую «искру божью» неравнодушия — к боли, несправедливости, неправде. Меня волнует процесс становления, воспитания личности, и все мои герои, как правило, находятся еще в той поре, когда на одном плече у человека сидит ангел, на другом — дьявол. Кто победит, кому он поверит?..

Много лет назад я принес рукопись повести «Я вижу солнце» в редакцию журнала «Дружба народов». В повести есть эпизод: мальчик и девочка, Сосойя и Хатиа, идут в соседнюю деревню менять одежду родителей на хлеб. Были трудные, голодные военные годы, в каждом доме нужда. И крестьянин Бабило, оставивший детей на ночлег, утром бесплатно отдает им мешок зерна. Женщина-редактор, прочитав рукопись, сказала мне: «Нодар Владимирович, кто вам поверит, что этот крестьянин вот так просто взял и отдал хлеб?» Помню, вопрос меня смутил: такой проблемы для меня не возникало, я знал, что по человеческой совести Бабило должен был поделиться с детьми, наконец, я хотел, чтобы он поделился, и потому написал этот эпизод. Редактору я ответил: «Не знаю, может, и не поверят... Но если хотя бы один человек поверит, это будет чудесно». Повесть была напечатана, и я получил много писем. Но ни одного, где мне не верили.

Читатель Немцов жалуется, что в трудную минуту от него отвернулись друзья. Что он разуверился в людях. Мне понятна его ситуация. От меня в жизни тоже многие отворачивались, даже родственники. Были такие годы. Потом те люди, правда, опомнились... Но были и другие — знакомые и незнакомые, — которые помогли. Я в вечном долгу перед ними. Не потому, что они делились со мной куском хлеба и, образно говоря, не дали умереть с голоду, а потому, что не позволили извериться в людской доброте, честности, бескорыстии. Представьте, если бы каждый из них считал и записывал: мол, я дал Нодару Думбадзе столько-то хлеба, столько-то соли...

Я бы не вырос, наверное.

И сегодня я живу среди людей, с людьми, люблю их, и все, что есть во мне, человеке и гражданине, — от них, моих соотечественников.

Совесть — это в какой-то степени нравственность. Но вот автора третьего письма, Ю. Симоновскую, я не надеюсь в этом убедить, потому что она не различает таких категорий, как совесть, честь.

Признаться, я отношусь к жизни по-своему, не люблю комфорт, не нуждаюсь в нем. К простоте приучил и свою семью. Считаю, что цель жизни не в материальных благах, это только средство ее, форма ее. Но в то же время сказанное совсем не означает, что я не принимаю и презираю людей, для которых вещи очень важны. Я знаю много прекрасных людей, которых любовь к вещам не делает менее талантливыми, менее добрыми, менее

вот, когда жители Содомы и Гоморры потеряли свой нравственный облик, боги разрушили эти города, а люди были испепелены огнем, посланным с небес... Второе свое развитие человечество начало с Ноева ковчега, с порядочного, будем считать, человека Ноя. Но даже сам бог не распознал в одном из сыновей, Хаме, мерзавца...

И вновь хочу подчеркнуть: совесть в человеке можно воспитать. Я постоянно всматриваюсь в людей, ищу в них то светлое, правдивое, что впоследствии становится канвой характера моих героев. И уверен, если бы таких людей не было, человечество не выжило бы, а если и выжило, то понатужилось бы несколько «содом и гоморр».

Половое не бывает без муты. Но время проходит, все определяется, вода становится прозрачной, и обнажается тот самый чистый песок, о котором гласит народная мудрость: «Воды приходят и уходят, а песок остается...» И прав был Давид Гурамишвили, великий поэт, когда говорил: «Озарен лишь тот судьбою, кто, бессмертный, душу спас».

228